

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Чжэн Янтун

**СЕРБСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ОБРЯДОВ
ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ
(НАЧАЛО И КОНЕЦ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА)**

Специальность 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран
(славянские языки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2024

Работа выполнена в Отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН

Научный руководитель: Плотникова Анна Аркадьевна

доктор филологических наук

Официальные оппоненты: Якушкина Екатерина Ивановна

доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры славянской филологии
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Русинова Ирина Ивановна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теоретического и прикладного
языкознания филологического факультета
Пермского государственного национального
исследовательского университета

Кондратенко Михаил Михайлович

кандидат филологических наук, доцент, старший научный
сотрудник Института лингвистических исследований РАН

Защита диссертации состоится «11» декабря 2024 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.059.1 (МГУ.10.01) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, д. 1, стр 1, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: slavlang@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3165>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
Доктор филологических наук

О.В. Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация выполнена в русле работ этнолингвистического направления и посвящена исследованию балканских и славянских черт в лексико-семантической сфере семейной обрядности. На материале сербских диалектов и сербского литературного языка проведен анализ терминологической лексики семейной обрядности, – родинной и похоронной, знаменующей начало и конец жизни человека.

Рассматриваемые термины позволяют показать специфику балканского ареала на сербском лингвистическом материале. В работе использовались сербские словари общенационального масштаба и диалектные словари восточной, юго-восточной и западной Сербии, а также этнографические источники, описывающие традиционную народную культуру рассматриваемого региона.

Исследование лексики семейной обрядности осуществлено в контексте таких балканославянских концептов, как судьба (доля), предназначение; жертва, жертвоприношение и др., с особым вниманием к бинарным оппозициям, релевантным для балканской картины мира: мужской – женский, правый – левый, первый – последний, свой – чужой, счастливый – несчастливый, хороший – плохой, внутренний – внешний, чистый – нечистый, добрый – злой, тяжелый – легкий, восток – запад, белый – черный.

Объект и предмет исследования – терминологическая лексика жизненного цикла, а именно – обозначения лиц, объектов, локусов, действий в родинной и похоронной обрядности в сербском литературном языке и диалектах, ее этимология, семантика и символика.

Актуальность и новизна исследования заключается в том, что определение сходств и различий в лексико-семантической сфере родинной и похоронной обрядности на материале сербских диалектов в сопоставлении с сербским литературным языком как самостоятельное исследование ранее не проводилось.

Цель данного исследования – проанализировать обрядовую терминологическую лексику диалектов восточной, юго-восточной и западной Сербии в балканском контексте с помощью этнолингвистических методов и подходов; выявить общие и специфические черты лексики исследуемого региона при сравнении ее с лексикой других сербских зон.

Задачи исследования:

- показать взаимосвязи языковой и экстралингвистической сторон народной обрядности;
- изучить ареальное распространение сербской западной, восточной и юго-восточной терминологической лексики на примере родинного и похоронного обрядов;
- охарактеризовать специфику лексики родинной и похоронной обрядности с точки зрения этимологии, семантики, культурных функций;
- выявить различия с лексикой сербского литературного языка, представленного в Словаре сербского литературного языка 2011 г.;
- выявить балканские (неславянские) черты в лексике родинной и похоронной обрядности в пространстве восточных и юго-восточных диалектов сербского языка.

Методология исследования связана с разработками Московской этнолингвистической школы (основатель – акад. Н. И. Толстой). В диссертации использовался **системный анализ** при исследовании лексики родинной и похоронной обрядности в разных регионах Сербии. Мы обращались к **описательному методу**, поскольку он позволяет относительно полно представить все соответствующие лексемы сербской родинной и похоронной обрядности. Применение **сопоставительного метода** позволило провести сравнение лексем в сербском литературном языке с диалектными вариантами в рамках родинной и похоронной обрядности. Мы также

использовали лексико-семантический анализ, методы семантической и этимологической реконструкции. В работе привлекалось значительное число этнокультурных контекстов функционирования того или иного термина.

Теоретическую базу данного исследования составили труды сербских ученых – лингвистов, этнографов и фольклористов (А. Белича, П. Ивича, С. Петрович, С. Зечевича, Т. Джорджевича и др.), лингвистические, этимологические и мифологические словари и труды ученых Московской этнолингвистической школы (Н. И. Толстого, С. М. Толстой, О. В. Беловой, А. А. Плотниковой, И. А. Седаковой, Е. С. Узенёвой и др.).

Источниками языкового материала являются толковые, этимологические словари сербского языка и восточных, юго-восточных и западных диалектов. «Словари общенационального масштаба балканославянских языков охватывают не только богатый лексический материал разных социальных групп и регионов, но и содержат экстралингвистический материал о быте и духовной культуре народа»¹, например, фиксируются названия народных праздников, часто с этнографическим комментарием, в качестве иллюстраций в словарных статьях приводятся пословицы и поговорки. В диалектных словарях акцент делается на локальные языковые и культурные особенности, приводятся названия обычаев, характерных только для отдельной местности, специфические названия широко распространенных праздников и другие ценные этнолингвистические сведения.

Из лингвистических словарей для объяснения происхождения ряда диалектных слов использовались этимологические словари: «Этимологический словарь русского языка М. Фасмера»², «Этимологический

¹ Плотникова А. А. Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С.10.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986–1987.

словарь славянских языков» (ЭССЯ)³, «Болгарский этимологический словарь»⁴. Кроме того, в работе мы обращались к первому тому лексической серии «Малого диалектологического атласа балканских языков» (МДАБЯ)⁵ и «Общеславянскому лингвистическому атласу» (ОЛА)⁶.

Труды ученых-этнолингвистов Н. И. Толстого, С. М. Толстой, И. А. Седаковой, О. В. Беловой, Е. С. Узенёвой, А. А. Плотниковой, исследовавших различные аспекты традиционной культуры на общеславянском фоне, и пятитомный этнолингвистический словарь «Славянские древности» (1995–2012)⁷ представляли собой важные источники эмпирического материала и теоретическую базу. А также использовался «Сербский мифологический словарь» (1970)⁸, в котором представлены обычаи, обряды и поверья, отражающие сербский народный менталитет и духовную традицию. В словаре охватываются статьи, посвященные мифологическим персонажам, ритуальным предметам и т. д. Труды по этнографии и фольклору Т. Джорджевича, Л. Раденковича и Ж. Требьешанина и т. д. позволили

³ ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974–2011.

⁴ Болгарский этимологический словарь [Электронный ресурс] <http://ibl.bas.bg/rbe/>. Дата обращения: 22.08.2024.

⁵ Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1. Лексика духовной культуры / Под. ред. А. Н. Соболева. München: Biblion Verlag, 2005.

⁶ Общеславянский лингвистический атлас. Выпуск 10. Народные обычаи / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 276 с.

⁷ Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М.: Международные отношения, 1995–2012.

⁸ Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970.

углубить этнолингвистический аспект исследования, как и сборники по этнографии и фольклору отдельных регионов Сербии⁹.

В работе в основном использовались следующие словари: 1) Речник српскога језика. Матица Српска (2011) (далее РСЈ); 2) С. Далмација «Рјечник говора Поткозарја» (2004) (далее РГП); 3) Р. Цвијетић «Речник ужичког говора» (2014) (далее РУГ); 4) Н. Живковић «Речник Пиротског говора» (1987) (далее РПГ); 5) Ј. Динић «Речник Тимочког говора» (1988, 2008) (далее РТГ); 6) Љ. Ђирић «Говор Лужнице» (1983, 2018) (далее РГЛ); 7) Г. Елезовић «Речник косовско-метохиског дијалекта» (1932–1935) (далее РКМ); 8) С. Петровић «Турцизми у српском призренском говору» (2012)¹⁰, 9) М. Златановић «Речник говора југа Србије» (2014) (далее РГЈС). В качестве лингвистического справочника и источника фольклорно-этнографического материала привлекался словарь В. Караджича¹¹.

В исследовании мы анализируем лексический материал вышеупомянутых словарей в следующем порядке по регионам: сербский литературный язык, диалекты западной Сербии, диалекты восточной Сербии, диалекты юго-восточной Сербии, диалекты южной Сербии. Эта последовательность позволяет провести сопоставительный анализ между сербским литературным языком и диалектами западной, восточной, юго-восточной и южной Сербии. Отметим, что в ходе анализа соответствующих терминов порой приходилось отступать от обозначенного порядка, следуя за логикой анализа представления особенностей диалектного материала.

⁹ «Српски етнографски зборник», Београд, 1894-. Књ. 1-. ; «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1926-. Књ. 1-. (ГЕМБ)

¹⁰ *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору. На материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемериќића. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2012.

¹¹ Караџић В. С. Српска граматика // Сабрана дела Вука Караџића. Књ. 2 / Српски рјечник (1818). Београд, 1966.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Выделение персонажного, предметного и акционального кодов, в рамках которых функционирует терминологическая лексика родинной и похоронной обрядности, позволило осуществить стратификацию соответствующих терминов.
2. Этнолингвистические данные дают возможность более глубоко изучить терминологию родинной и похоронной обрядности и определить культурную семантику и символику рассматриваемых лексем.
3. Терминологическая лексика рассматриваемых сфер народной культуры на три четверти представляет собой славизмы по происхождению, меньшая часть лексем оказывается заимствованной из неродственных балканских языков.
4. Семантические бинарные оппозиции, представленные в обрядах и ритуалах в рамках родинного и похоронно-поминального комплексов сербской традиционной духовной культуры, отражают архаическое воззрение сербов на окружающий мир, что в свою очередь, воспроизводится в языке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и двух приложений (индекс найденных лексем и восемь этнолингвистических карт). Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет данной работы, методы исследования, формулируются цель и задачи, а также положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена изучению лексики родинной обрядности в восточной и юго-восточной Сербии, ее происхождению, семантике и внутренней форме в сопоставлении с западными диалектами и сербским

литературным языком. В данной части мы выделяем две лексико-тематические группы: 1) лексика со значением участников обряда; 2) лексика, обозначающая обрядовые предметы. Кроме того, в настоящей главе также проанализированы особо значимые лексемы, связанные с родинным обрядом в народной культуре, такие как «судьба» и *суђенице* ‘мифологические существа, предсказывающие судьбу младенца’. В соответствии с классификацией А.А. Плотниковой, сделанной в «Материалах для этнолингвистического изучения балканославянского ареала» и опираясь на материал словарей, мы рассматриваем термины, обозначающие беременную женщину, роженицу, бездетную, бесплодную женщину, повивальную бабку, младенца (новорожденного, мертворожденного, детей без родителей и близнецов), внебрачного ребенка, одномесячников, ребенка первого и последнего, некрещеных детей, а также околоплодный пузырь, послед, подарки новорожденному и роженице, судьбу и демонов, определяющих судьбу.

Анализ терминологической лексики сербского родинного обряда показал, что большинство лексем, характеризующих перечисленные выше денотаты, славянского происхождения. Тем не менее, удалось обнаружить и некоторые примеры балканского неславянского происхождения: например, в сербском литературном языке и диалектах в западной, восточной и юго-восточной Сербии лексемы, зафиксированные в значении ‘внебрачный ребенок’ румынского происхождения от **soril*, ср. в сербском литературном языке: *копиле*, *копилета*; *копилян* (м); *копилянка* / *копилица* (ж)¹². На самом западе сербского диалектного пространства, в Подкозарье около Баня-Луки, фиксируется та же лексема для обозначения внебрачного ребенка: *копиле*¹³. В западной Сербии: *копилян* и *копильан*; *копиле*; *копилица*; *копильак*; *копилуша*;

¹² РСЈ. С. 544.

¹³ РГП. С.135.

копильуша. В Пиротском крае *копилдак* ‘внебрачный ребенок’¹⁴, *копильева* ‘незаконнорожденный ребенок’¹⁵; в южной Сербии встречаются: *копильача* ‘незаконнорожденный ребенок женского пола’, *копильаче* ‘внебрачный ребенок’¹⁶; кроме того, в говорах Лужницы фиксируется не только: *копильак* – *копиле*, *копиан* ‘внебрачный ребенок’, но и *копиле* ‘внебрачный ребенок’ и ‘ребенок, которого женщина рождает на свет до достижения оптимальной женской зрелости’¹⁷. У сербов Косова и Метохии: *koril* и *korilj*¹⁸.

Ряд терминов объединяет юго-восточную традицию с балканославянским ареалом и, непосредственно, с западноболгарским (например, обозначения бесплодной женщины *бездетка* или демонов, предсказывающих судьбу новорожденному *сућенице*).

В качестве другого примера приведем лексемы, обозначающие роженицу. В юго-восточной Сербии подобные термины заимствованы из греческого (возможно, через посредство турецкого): в Лесковаце – *лауса*, в Сврлиге – *леуса*. Эта же лексема обнаруживается и в диалектном словаре в Косово и Метохии: *лауса* ‘женщина, готовящаяся к родам, роженица’¹⁹ и *љауса* ‘роженица, женщина, готовящаяся к родам’²⁰ (ср. новогреч. *λεχούσα* от старогреч. *λεζω* ‘лежать’) ²¹. Сходные лексемы фиксируются и в близкородственных болгарском и македонском: макед. *велес.*, охрид. *леунка*, болг. *лехуса*, *лауса*, *леуса*, *лавуса*²².

¹⁴ РПГ. С. 69

¹⁵ РПГ. С. 125.

¹⁶ РГЈС. С. 304.

¹⁷ РГЛ. С. 394.

¹⁸ *Скок II*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1972. Т. 2. С. 147.

¹⁹ РКМ. 1932. Св. 1. С. 356.

²⁰ Речник косовско-метохишког дијалекта [Электронный ресурс] <http://raskovnik.org/recnici/GE.RKMD/ЈБ>.

Дата обращения: 20.09.2023.

²¹ БЕР 3. С. 379.

²² *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 45.

В Пиротском крае фиксируются лексема *к'смет* в значении 'судьба'²³, во Врање – *кьсмет*, заимствованная из тур. диал. *kismet* 'судьба, удача'²⁴. Эти же лексемы встречаются в других языках балканославянского ареала: болг. *кьсмет*, мак. *касмет*.

Терминология родинной обрядности в западной Сербии близка соответствующей терминологии в сербском литературном языке. Например, в «Словаре сербского языка» 2011 г. зафиксированы лексемы *бреме* 'беременность', *бременита* 'беременная', в Ужицком диалектном словаре отмечено: *бременита* 'беременная', в Подкозарье – *бреме* 'беременность, ребенок в утробе'. В сербском литературном языке зафиксирована лексема *сиротан* 'ребенок без родителей или без одного из них, осиротевший', в Ужице – *сиротан* 'кто без родителей, кто сирота', в Поткозарје – *сирота* 'маленький человек без родителей'.

В первой главе рассматриваются бинарные оппозиции, отраженные как в самой метафорической лексике, так и родинной обрядности в целом: «мужской – женский», «хороший – плохой», «правый – левый», «счастье – несчастье», «чистый – нечистый» и т. д., которые также взаимосвязаны между собой. Правые части оппозиций, с одной стороны, и левые, с другой, в контексте традиционной народной культуры признаются синонимичными. Так, по сербским народным поверьям, рождение мальчика означает счастье в доме, а рождение девочки ведет к потере добра и удачи. В сербском в районе Хомолье известны следующие пословицы: 1) *Срећна је кућа са мушком децом!* 'Счастливым дом с детьми мужского пола'²⁵; 2) *Житни купац и ђевојачки отац не могу срећни бити.* 'Покупатель зерна и отец девушки не могут быть счастливыми'²⁶; 3) *Женско је туђа срећа.* 'Женский ребенок — чужое

²³ РПГ. С. 74.

²⁴ РПГ. С. 72.

²⁵ *Влајинац М.* Жена у народним пословицама. САНУ. Београд, 1975. С. 198.

²⁶ Там же. С. 3.

счастье'²⁷; 4) *Мушко је орач и колач* 'Мужчина – пахарь и пирог'²⁸. Гадание на пол ребенка отражает не только оппозицию «мужской – женский», но и связанную с ней «правый – левый». Например, если женщина чувствует, что ее ребенок первый раз начинает шевелиться справа, то она родит ребенка мужского пола, а если слева – ребенка женского пола.

Помимо представленных выше пар, в родинной обрядности большое значение занимает оппозиция «первый – последний», это отражено в специальной терминологии – разнообразных диалектных наименованиях первого и последнего ребенка, например, *првенче, прваџче, првенче* 'первенец', обозначающие первого ребенка, и в основном ироничные или пейоративные наименования, обозначающие последнего рожденного ребенка: *истришак, истришљак, испрдак, поклишче, сугаре*.

Во **второй** главе рассматривается лексика похоронной обрядности в восточной и юго-восточной Сербии. Мы проанализировали ее этимологию, прямые и переносные значения, дополнительные коннотации при их наличии, при этом всегда учитывался этнолингвистический контекст функционирования терминов. В качестве иллюстраций были приведены соответствующие контексты употребления терминологической лексики похоронно-поминальной обрядности, отражающие верования и обычаи в восточной и юго-восточной Сербии. Анализ материалов словарей позволил нам собрать лексемы со значением умершего, гроба, могилы, кладбища, ритуал похорон, погребения покойного, поминок, а также глаголы со значением 'умирать' и глаголы со значением 'плакать, голосить по умершему'.

Погребально-поминальная обрядность и обсуживающая ее терминологическая лексика являются наиболее архаической частью народной духовной культуры. Диалектный материал восточной и юго-восточной

²⁷ *Влажинац М.* Жена у народним пословицама. САНУ. Београд, 1975. С. 2.

²⁸ *Ђорђевић М.* Живот и обичај народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958. С. 405.

Сербии дает представление о сходствах и различиях в семантике, этимологии, функционировании того или иного термина.

Большинство лексем славянского происхождения в рассматриваемых диалектах свидетельствуют о близости к сербскому литературному языку. Так, например, в сербском литературном языке зафиксированы лексемы *мртвац*, *покојник* со значением 'покойник', в северо-западной части сербского диалектного континуума фиксируются *покојни*, *мртав*, в южной Сербии – *мртвак*, в восточной Сербии – *мртавџ*, *мртџвџ*, *мртав'џ*, *мртвак*; в сербском литературном языке зафиксированы лексемы *гробиште*, *гробље* со значением 'кладбище', в западной Сербии – *гробље*, в южной Сербии – *гробиште*, *гробје*.

Как следует из настоящего сопоставительного исследования, в диалектах широко распространенными остаются как исконно славянские диалектные формы, так и неславянские заимствования. В качестве иллюстрации приведем лексемы в значении 'гроб': в сербском литературном языке и диалектах западной, восточной и юго-восточной Сербии употребительна лексема: *сандук* 'гроб'²⁹, из тур. *sandik* 'ящик, сундук'³⁰, та же лексема отмечена в тимокском и лужницком словарях; тогда как в диалектном словаре Косово и Метохии Глиши Элезовича фиксируется не только лексема *сандак*³¹, но и *табут* 'гроб'³², последнее обозначает приспособление, на котором умерших мусульман несут к могиле, т. е. плоская поверхность из досок (в «Словаре сербского языка» 2011 года данная лексема отсутствует).

Другой иллюстрацией диалектного распределения служат лексемы, обозначающие кладбище. Так, в южной Сербии зафиксирована лексема *тулбе* в значении 'кладбище' (от тур. *türbe* < арап. *turbe* 'могила, гроб')³³. В

²⁹ РСЈ. С. 1168.

³⁰ Скок П. Т. 3. 1973. С. 200.

³¹ РКМ. 1935. Св. 2. С. 200.

³² РКМ. 1932. Св. 1. С. 112.

³³ РГЈС. С. 673.

Призренском говоре фиксируется лексема *мезарљк* в значении ‘гробље’³⁴ (от тур. *mezarlik* ‘гроб’) ³⁵. В диалектном словаре в области Косово и Метохии отмечена лексема в этом значении *турба* (от тур. *türbe*) ³⁶. В разных рассматриваемых локальных традициях встречаются одни и те же представленные лексемы, однако могут отмечаться некоторые расхождения в их семантике. Например, лексемы от тур. *türbe* в Призренском говоре – *тильбе*, в Тимоке – *тумбар*, в области Косово и Метохии – *турба* обозначают могилу, в то время как в районе Враня лексема *тулбе* используется для обозначения всего кладбища. При сравнении с материалом западных диалектов мы увидим, что в Республике Сербской около Баня-Луки лексема со значением ‘кладбище’ представлена дериватом от славянского корня – *гробље* ³⁷, аналогично литературному варианту.

Отметим, что рассматриваемая территория отличается не только архаикой, но и инновациями, объединяющими данную локальную традицию с балканославянским ареалом и непосредственно – с западноболгарским и македонским, например, лексема *батисати* ‘тонуть; умереть’ близка мак. *батиса* ‘утонуть’, *прекара* ‘умереть’ совпадает с болг. *прекарам* ‘тратить, проводить’, *presuni se* ‘перенестись в другой мир, умереть’ сопоставимо с диал. болг. *дзипам* ‘ударять’ (в данном случае уместно рассматривать сербские верования о способах перехода умершего на «тот свет», например, связанные с резким ударом человека со стороны «проводника» в обмираниях и снах).

Во второй главе также анализируются бинарные оппозиции, отраженные в сербской похоронной обрядности, такие как «мужской – женский», «хороший – плохой», «добрый – злой», «тяжелый – легкий» и «восток – запад» т. д. Так, оппозиции «мужской – женский» и «продольный — поперечный»

³⁴ Петровић. С. 208.

³⁵ Skok. Т.2 С.417.

³⁶ Елезовић Г. Речник косовског-метохиског дијалекта. Београд, 1935. Св. 2. С. 354.

³⁷ РГП. С. 60.

могут быть взаимосвязаны в похоронном обряде: в Хомолье известно верование, что, если в течение 40 дней после похорон покойника могила даст поперечную трещину, то это предзнаменование того, что в том же году умрет еще один член семьи женского пола, в то время как продольная трещина — к смерти еще одного члена семьи мужского пола.³⁸ Для сербской традиции имеет значение также оппозиция «белый – черный», поскольку верят, что белый и черный цвета в похоронно-поминальном обряде наделены особой символикой и представляют основное противостояние жизни и смерти, этого, светлого, и «того», темного, мира.

В заключении приводятся выводы осуществленного исследования.

Результатом работы явилось исследование лексики родинного и похоронного обрядов в диалектах восточной и юго-восточной Сербии в сопоставлении с лексикой литературного языка и близких ей западных диалектов. В качестве иллюстраций функционирования того или иного термина приводятся связанные ритуалы и верования из сербской родинной и похоронно-поминальной обрядности. Подобное исследование на материале диалектов сербского языка, сконцентрированное на родинной и похоронной обрядностях как взаимосвязанных комплексах, ранее не проводилось и позволяет подчеркнуть связь начала и конца жизни.

Анализ материала восьми диалектных словарей восточной, юго-восточной и западной Сербии позволил прийти к следующим выводам:

1. Западные диалекты сербского языкового континуума, в частности, диалект Подкозарья и Ужицкого края демонстрируют наибольшее сходство с сербским литературным языком, а диалекты восточной и юго-восточной Сербии характеризуются большим числом балканизмов, что сближает их с западноболгарским и македонским ареалами.

³⁸ Милосављевић С. Српски народни обичаји из среза Хомольског // СЕЗБ. Књ. 19. 1913. С. 257.

В терминологической лексике родинного и похоронного обрядов мы встречаем как исконно славянские, так и заимствованные слова. На основе собранных материалов выявлено, что в рассматриваемых словарях восточной и юго-восточной и сопоставляемой с ними западной Сербии большинство лексических единиц данной тематической сферы являются славизмами. Например, большинство лексем, обозначающих роженицу и новорожденного, происходят от слав. *род-*: *родильа, породильа* ‘роженица’, *рођенче, новорођенче* ‘новорожденный’; большинство зафиксированных в словарях лексем, обозначающих детей, происходят от слав. **detę*: *дијете, дјете, дете, детенце, дечиште, детче, дечишта*. Анализ лексики родинного и похоронного обряда также показывает наличие в нем значительного количества слов, общих для балканского культурно-языкового союза. Многие из этих слов заимствованы в балканские языки из арабского посредством турецкого, например, лексема со значением ‘гроб’ серб. *сандак (сандук)* пришла из арабского *sanduk*, ср. тур. *sandyk* ‘ящик, сундук’. Как показывает собранный диалектный материал, родинная обрядность характеризуется бóльшим числом славизмов, общее число заимствований (58 из 249 лексем – преимущественно греческого и румынского происхождения). В сербской похоронно-поминальной терминологии встречается большое количество заимствований из турецкого (28 тюркизмов из 160 лексем).

2. В зависимости от конкретной функции терминов лексику родинного и похоронного обряда можно рассматривать с точки зрения разных кодов: персонажного, предметного, акционального, что легло в основу построения текста диссертации. Эта стратегия позволила дифференцировать весь корпус рассматриваемой лексики, относящийся к той или иной сфере семейной обрядности. К персонажному коду относятся, например: *породильа* ‘роженица’, *родуља* ‘роженица’, *лауса* ‘роженица’, *леуса* ‘роженица’, *трудница* ‘беременная’, *бабица* ‘повитуха’, *рођенче* ‘новорожденный’, *новорођенче* ‘новорожденный’, *бездетка* ‘бездетная женщина’, *дечиште, копице*

‘внебрачный ребенок’ – в родинной обрядности; *мртав’и* ‘покойник’, *кукалица* ‘женщина, голосащая по покойному’ – в похоронной обрядности. К предметному коду можно отнести как объекты, так и сами локусы, например: *кошульица* ‘околоплодный пузырь, в котором рождается ребенок’, *пометина*, *постельица* ‘послед’, *повојница* ‘подарки новорожденному ребенку’, *кравај* ‘подарки новорожденному ребенку’ – в родинной обрядности; *гробииште* ‘кладбище’, *тулбе* ‘кладбище’, *рака* ‘могила’, *сандък* ‘гроб’ – в похоронной обрядности. К акциональному коду относятся обрядовые действия, такие как: *пугује*, *прекара*, *ливсивати*, *мандркнути*, *батисати* и др. в значении ‘умирать’ и т.д. Последние примеры отражают архаические народные представления о переходе границы между миром живых и предков, о попадании души на «тот свет».

3. Этнолингвистические данные дают возможность уточнить значение лексем, определить их культурную семантику и символику. Так, один термин, представленный во всех или многих рассматриваемых диалектах западной, восточной и юго-восточной Сербии, может отличаться по семантике. Например, лексема *кравај* в разных регионах обозначает и праздничный хлеб на родинах, и сами родины, и оберег, который несут ребенку, чтобы в его дальнейшая жизнь сложилась «правильно» согласно народным представлениям. Лексема *подушје* в разных районах обозначает церковную службу по усопшему, поминки, ритуальное угощение в память об умершем, еду и питье, подаваемые на поминальной трапезе и оставляемые на могиле после похорон или поминок. Именно экстралингвистические данные традиционной народной культуры позволили уточнить элементы значения того или иного термина по диалектам.

4. Семантические оппозиции, представленные в обрядах и ритуалах в рамках родинного и похоронно-поминального комплексов сербской традиционной духовной культуры, отражают архаическое мировоззрение сербов на окружающий мир. В сербской народной культуре глубоко

укоренилась бинарная оппозиция «мужской – женский», а также другие, тесно связанные с ней «чистый – нечистый», «хороший – плохой», «правый – левый», «четный – нечетный», «счастье – несчастье» и т. д., левые и правые части которых выступают контекстуальными синонимами. Первый компонент оппозиции становится более привлекательным и желанным для традиционного мышления (ср. магические ритуалы, направленные на рождение мальчика). Семантические оппозиции традиционной культуры находят отражение в формальной стороне языка: согласно грамматике сербского, прилагательные, местоимения и причастия прошедшего времени на *-л* согласуются с существительным по роду, в том числе во множественном числе. Объекты и субъекты, обозначаемые существительными женского рода, становятся маркированными, тогда как присутствие в группе существительного мужского рода стирает противопоставление (ср. *Пусте остале, Коле, ж'лте ж'лтице, / пусте остале, Коле, свилене дреје, / када си немам, Коле, пород од срце!* 'Бог с ними, Коле, с желтыми монетами, К черту, Коле, шелковые одежды, когда у меня нет, Коле, рожденного от сердца!'³⁹; *Они су сами, они су беспородни* 'Они одиноки, у них нет детей'⁴⁰ – говорится о семье без детей).

Этнолингвистические методы изучения лексики сербского языка и его диалектов, помогают раскрыть историю обрядовой лексики начала и конца жизни в сербском языке и его диалектах, ее связь с обрядовой практикой, ритуальной символикой и менталитетом народа.

Настоящее исследование представляет собой свод терминологии, относящейся к важнейшим полюсам культуры: рождению и смерти. Полученные результаты будут полезны в диалектологических исследованиях,

³⁹ *Панајотовић Т. Г.* Адети, живот и обичаји становништва пиротског краја. – Издавач: Музеј Понишавља, Пирот, 1986. С.32-33.

⁴⁰ РТГ. С. 29.

а также в исследовании соотношения и связи языка и духовной культуры, народного мировоззрения. Материалы исследования могут быть использованы в преподавании сербского языка, в спецкурсах по этнолингвистике и балканистике.

Апробация работы. Основные положения научно-квалификационной работы излагались и обсуждались на научных семинарах и конференциях по славяноведению, этнолингвистике и фольклористике: 1) Ежегодная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» (VI. 13–14 октября 2021 г. тема доклада: Понятия «одномесечники» и «однодневники» в этнолингвистическом словаре «Славянские Древности»; VII. 25–26 мая 2022 г. тема доклада: Лексика родильной обрядности в словаре «Речник српскога језика» Матицы Сербской (2011); VIII. 23–24 мая 2023 г. тема доклада: Представление об оппозиции «мужской – женский» на материале родинной и похоронной обрядности в Сербии), Институт славяноведения РАН, Москва; 2) III Научно-практическая школа сербистики «Доминанты сербской культуры» (27–29 октября 2022 г., Филологический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва). Тема доклада: Лексика родильной обрядности в косовско-метохийском словаре Г. Элезовича. Всего было прочитано четыре доклада по проблематике научно-квалификационной работы.

По теме диссертации были опубликованы четыре статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ.059.1 по специальности 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (славянские языки). Общий объем публикаций – 2.84 п. л.

Основные результаты исследования изложены в следующих публикациях:

I. Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Лю Ху, Чжэн Янтун. Представления о судьбе в народной мифологии Сербии и Китая // Славянский альманах. Вып. 1–2. 2022. С. 183–202. (Объем авторского вклада: 50%). Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,156 (1,14 п. л.)

2. Чжэн Янтун. Концептуальная лексика сербской народной культуры (рецензия на книгу Е. И. Якушкиной «Сербская народная культура в зеркале языка») // Славянский альманах. Вып. 3–4. 2022. С. 479–487. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,156 (0,4 п. л.)

3. Чжэн Янтун. Лексика со значением ‘покойник’ и ‘гроб’ в похоронной обрядности восточной и юго-восточной Сербии // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5. С.368-371. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,388 (0,6 п. л.)

4. Чжэн Янтун. Бинарные оппозиции в сербской народной культуре на материале родинной и похоронной обрядности // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4. С.458-461. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,388 (0,7 п. л.)

II. Публикации в других научных изданиях:

5. Чжэн Янтун. Специфика лексики восточной и юго-восточной Сербии на материале родинной обрядности // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. Выпуск 10 (136). URL: <https://research-journal.org/archive/10-136-2023-october/10.23670/IRJ.2023.136.69> (0,6 п. л.)